

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ О ТРУДЕ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Холтураева Маржона

Аннотация. В тезисе рассматриваются русские и узбекские пословицы, тематически связанные с трудом, трудолюбием, результатами деятельности человека и отношением к бездействию. Актуальность исследования определяется тем, что паремиологический фонд языка аккумулирует многовековой социальный опыт народа и отражает систему ценностных представлений, связанных с трудовой деятельностью. Цель исследования состоит в выявлении общих и национально-специфических особенностей репрезентации концептуально-тематической сферы «труд» в русской и узбекской паремиологии. Материал анализируется с применением сопоставительного, семантического, лингвокультурологического и структурно-функционального методов. Особое внимание уделяется семантике трудолюбия, соотношению труда и результата, противопоставлению труда и лени, а также образным средствам репрезентации трудовой деятельности. Сопоставление показывает наличие значительного универсального компонента: в обеих языковых культурах труд осмысливается как условие достижения материального и социального благополучия, формирования человеческих качеств и получения результата. Вместе с тем различия проявляются в выборе образов, характере метафоризации, синтаксической организации пословиц и способах выражения причинно-следственных связей. Результаты исследования подтверждают продуктивность сопоставительного изучения русской и узбекской паремиологии для выявления общих и специфических компонентов языковой картины мира.

Ключевые слова: пословица, паремиология, труд, трудолюбие, лень, языковая картина мира, лингвокультура, сопоставительный анализ, русская паремиология, узбекская паремиология, семантика, аксиология.

Пословицы представляют собой особый пласт языка, в котором в краткой и устойчивой форме закрепляются результаты коллективного опыта. Их содержание не сводится к передаче отдельного сообщения: пословичные высказывания способны выражать оценку поведения, устанавливать причинно-следственные связи, формулировать социальную норму и передавать представления о желательном или нежелательном образе жизни. Именно поэтому паремиологический материал представляет значительный интерес для сопоставительного языкознания и лингвокультурологии.

Теоретическую основу исследования составляют положения современной лингвокультурологии и паремиологии. В. А. Маслова рассматривает язык и культуру как взаимосвязанные системы, позволяющие выявлять культурно обусловленные значения языковых единиц [1]. Н. Ф. Алефиренко связывает лингвокультурологический анализ с изучением ценностно-смыслового пространства языка [2]. В. Н. Телия подчёркивает значение культурной коннотации устойчивых языковых единиц и их способность фиксировать этнокультурные представления [3]. Для анализа пословиц особенно значимы положения Г. Л. Пермякова, разработавшего структурно-семиотический подход к изучению паремий и их моделей [4].

Исходным материалом исследования являются пословицы русского и узбекского языков, представленные в авторитетных паремиологических сборниках. Русский материал сопоставляется прежде всего по сборнику В. И. Даля, который включает значительный корпус русских пословичных изречений [5]. Узбекский материал опирается на академические сборники «Ўзбек халқ мақоллари», подготовленные Т. Мирзаевым, Б. Саримсоковым и другими фольклористами. Двухтомное издание 1987–1988 гг. основано на материалах фольклорного архива Института языка и литературы Академии наук Узбекистана и включает около тринадцати тысяч пословиц [6].

Труд занимает заметное место в паремиологической картине мира обоих языков. Это закономерно, поскольку трудовая деятельность непосредственно связана с обеспечением жизни человека, созданием материальных благ, социальным статусом и личной ответственностью. Однако универсальность самой темы не предполагает полного совпадения способов её языковой репрезентации. Сопоставительный анализ позволяет определить, какие семантические компоненты совпадают, а какие получают национально обусловленное оформление.

Одним из центральных компонентов русской паремиологии является представление о труде как необходимом условии достижения результата. Показательна пословица «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда». Её семантическая структура основана на причинно-следственной связи: получение желаемого результата требует определённых усилий. При этом конкретный образ рыбалки выполняет функцию метафорической модели, позволяющей представить труд как необходимое действие для достижения цели. Пословица получила широкое употребление именно благодаря универсальности заключённого в ней принципа.

Близкое содержание выражает пословица «Терпенье и труд всё перетрут». В ней труд объединяется с терпением, а результат деятельности связывается не только с физическим усилием, но и с устойчивостью человека перед трудностями.

Таким образом, русский материал позволяет выделить несколько связанных компонентов: труд, усилие, терпение, преодоление препятствий и результат.

Сопоставимый смысловой ряд обнаруживается в узбекской паремиологии. Например, пословица «Мехнатнинг таги рохат» выражает представление о том, что труд в конечном итоге приводит к благополучию и удовлетворению. В данном случае труд и результат образуют бинарную семантическую конструкцию: первоначальное усилие противопоставляется последующему положительному результату. Сходство с русскими пословицами заключается в общей аксиологической модели, согласно которой труд получает положительную оценку именно благодаря своему результату.

Особый интерес представляет лексема мехнат, поскольку её семантическая история имеет дополнительные оттенки. В узбекском языке она обозначает труд, работу, усилие, а в некоторых традиционных употреблениях связана также с представлением о тяготах и испытаниях. Исследования узбекской паремиологии показывают, что в составе пословиц лексические единицы могут сохранять значения и смысловые оттенки, которые менее активно проявляются в современном общеупотребительном языке [6].

Другой важный семантический компонент – противопоставление труда и лени. В русских пословицах лень часто представлена как отрицательное качество, препятствующее достижению результата. Например, «Кто труда не боится, того и лень сторонится» строится на противопоставлении активного и пассивного поведения. Трудолюбие получает положительную оценку, тогда как отсутствие стремления к деятельности интерпретируется как источник неудачи.

В узбекской паремиологии аналогичная оппозиция выражается посредством противопоставления мехнат и ялқовлик. Лень представляется не просто отсутствием действия, а качеством, которое препятствует достижению благополучия. Тем самым в двух языках формируется общая аксиологическая шкала: трудолюбие – положительная ценность; лень – отрицательная характеристика.

Однако способы реализации этой оппозиции различаются. Русские пословицы нередко строятся как краткие причинно-следственные высказывания или как противопоставление двух моделей поведения. Узбекские пословицы также активно используют противопоставление, но часто усиливают его посредством образов достатка, семейного благополучия и жизненного результата. Вследствие этого трудовая деятельность может быть представлена не только как индивидуальная характеристика человека, но и как основа благополучия семьи и общества.

Значимый пласт составляют пословицы, в которых труд оценивается через его результат. В русском языке широко известна формула «Дело мастера боится».

В ней результативность деятельности связывается с профессиональным умением. Человек, обладающий опытом и мастерством, способен успешно справляться с задачей. Таким образом, концептуальное содержание труда включает не только количество усилий, но и качество профессионального действия.

Аналогичная идея выражается в узбекской пословице «Хунарли киши хор бўлмас», которую можно передать как «Умелый человек не будет унижен / не останется в нужде». В данном случае центральным становится понятие хунар, то есть мастерство, умение, ремесло. Сопоставление показывает, что русский и узбекский материалы сходятся в признании профессиональной компетентности ценным человеческим качеством, однако узбекская паремия сильнее связывает умение с социальным положением и жизненной обеспеченностью.

Особое место занимает связь труда и достатка. В русской паремиологии трудовая деятельность часто представляется как средство достижения материального результата. В узбекских пословицах эта связь также выражена достаточно последовательно. Формула «Мехнат қилсанг, роҳат кўрасан» отражает модель «усилие – результат – благополучие». Здесь труд получает положительную оценку не только как процесс, но и как источник последующего роҳат, то есть благополучия, спокойствия и удовлетворения.

Сопоставление показывает, что русская и узбекская паремиология используют общую когнитивную модель: труд → результат → благополучие. Различие заключается прежде всего в конкретных образах и языковых средствах, посредством которых эта модель реализуется. Русский материал чаще обращается к образам повседневного труда, физического действия и преодоления конкретного препятствия. Узбекские пословицы нередко связывают труд с достатком, ремеслом, семейным благополучием и социальным положением.

Существенным объектом сопоставления является структура пословиц. Русские паремии о труде представлены как простыми, так и сложными предложениями. В них активно используются условные, причинно-следственные и противопоставительные отношения. Например, конструкция «Не потрудиться – так и хлеба не добиться» основана на причинно-следственной зависимости между отсутствием усилий и отсутствием результата.

В узбекском языке также широко представлены краткие конструкции с параллельным построением. Например, «Мехнат – мехнатнинг таги роҳат» и другие паремии демонстрируют стремление к ритмической организации и смысловой симметрии. Повторение или структурный параллелизм способствует запоминаемости пословицы и усиливает её дидактическую функцию.

Важным различием является характер образности. В русских пословицах о труде нередко используются образы земледелия, ремесла, физического действия и хозяйственной деятельности. В узбекских паремиях также представлены

трудовые и хозяйственные образы, однако особое место занимает лексика ремесла, достатка и социального благополучия. Это можно объяснить не одной причиной, а совокупностью историко-культурных факторов, которые нашли отражение в традиционном образе жизни и фольклорной системе.

При этом необходимо избегать прямого отождествления пословицы с «менталитетом народа». Одна пословица не может рассматриваться как доказательство универсальной особенности национального характера. Более корректным является выявление повторяющихся семантических и структурных моделей в достаточно репрезентативном корпусе. Такой принцип соответствует современному сопоставительному подходу и позволяет разграничивать языковые факты и культурную интерпретацию.

Интересным направлением является переводческий аспект. Исследование И. И. Сатимовой специально посвящено переводу русских пословиц с компонентом «труд» на узбекский язык. Автор отмечает, что между двумя языками существуют как пословицы, имеющие соответствующие эквиваленты, так и единицы, для которых прямого эквивалента нет [7].

Именно отсутствие полного эквивалента представляет особый интерес для сопоставительного языкознания. Например, русская пословица «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» не обязательно должна переводиться дословно. Для передачи её общего смысла может использоваться узбекская пословица с иной образной основой, но сходным дидактическим содержанием. В таком случае наблюдается не формальное, а функционально-семантическое соответствие.

Следовательно, при классификации русских и узбекских пословиц о труде целесообразно выделять по меньшей мере три типа соответствий: полные или близкие соответствия по смыслу и образу; частичные соответствия, при которых общий смысл совпадает, но различаются образы; безэквивалентные единицы, содержание которых связано с национально специфическим опытом. Подобный принцип позволяет перейти от простого сопоставления отдельных переводов к системному анализу межъязыковых отношений.

Современные исследования подтверждают актуальность такого подхода. В частности, работа Н. Н. Низомиддиновой непосредственно посвящена сравнительному изучению пословиц о труде в русском и узбекском языках и выделяет общие и специфические особенности их трактовки [8]. Исследование И. И. Сатимовой рассматривает ту же проблематику с точки зрения перевода [7]. Это показывает, что тема уже получила определённую разработанность, поэтому дальнейшее исследование целесообразно ориентировать не на простое перечисление аналогичных пословиц, а на выявление семантических моделей, типов межъязыкового соответствия и механизмов культурной репрезентации.

В результате сопоставления можно выделить несколько основных семантических моделей, общих для двух языков. Первая – труд как условие достижения результата. Вторая – труд как источник материального благополучия. Третья – трудолюбие как положительное качество личности. Четвёртая – лень как противоположность продуктивной деятельности. Пятая – мастерство как условие успешного труда. Шестая – труд как средство формирования социальной и нравственной ответственности.

Национальная специфика проявляется преимущественно на уровне образного воплощения этих моделей. В русском языке значительная часть пословиц строится на конкретной бытовой ситуации, которая становится основой для общего вывода. В узбекском языке аналогичные ценности также выражаются через конкретные образы, но заметнее связь трудовой деятельности с ремеслом, достатком и социальным благополучием. При этом обе системы демонстрируют высокую степень аксиологической близости.

Паремиологический материал показывает также устойчивость воспитательной функции пословиц. Они не просто сообщают информацию о труде, а предлагают определённую модель поведения. Формулы, содержащие положительную оценку трудолюбия и отрицательную оценку лени, выполняют нормативную функцию. Через них молодому поколению передаются представления о желательном отношении к работе, ответственности и достижению результата. Общность данной функции в русском и узбекском языках является одним из наиболее очевидных результатов сопоставления.

Таким образом, русский и узбекский паремиологические фонды обнаруживают значительное семантическое сходство в репрезентации труда. Универсальными являются представления о необходимости усилий, ценности трудолюбия, связи деятельности с результатом и негативной оценке лени. Национально специфические особенности проявляются в образном наполнении, выборе лексических компонентов, структурной организации и характере связи труда с другими культурными категориями.

Сопоставительный анализ русских и узбекских пословиц о труде позволяет установить сочетание универсальных и национально обусловленных компонентов. В обеих языковых культурах труд представлен как социально и нравственно значимая деятельность, связанная с достижением результата, материальным благополучием, профессиональным мастерством и положительной характеристикой личности. Противопоставление труда и лени образует устойчивую аксиологическую оппозицию.

Вместе с тем полное межъязыковое совпадение отсутствует. Различия проявляются в образной структуре пословиц, способах выражения причинно-следственных отношений, выборе лексических компонентов и культурных

ассоциациях. Особое значение имеет различие между формальным и функционально-семантическим соответствием: русская пословица может иметь в узбекском языке не буквальный перевод, а национально обусловленный аналог с близким дидактическим содержанием.

Проведённый анализ показывает, что сопоставление паремий должно осуществляться не только на уровне отдельных слов и образов, но и на уровне семантических моделей. Именно такой подход позволяет определить зоны межъязыкового совпадения и расхождения и одновременно избежать упрощённого представления о национальной специфике. Русские и узбекские пословицы о труде демонстрируют значительную ценностную общность при различном языковом и образном оформлении, что делает данный материал перспективным для дальнейшего исследования в области сопоставительной паремиологии, лингвокультурологии и теории перевода.

Литература:

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. 202 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта; Наука, 2010. 282 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
4. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском университете, 1862. 1096 с.
6. Ўзбек халқ мақоллари: 2 жилдлик / масъул муҳаррирлар Т. Мирзаев, Б. Саримсоқов. Тошкент: Фан, 1987–1988.
7. Сатимова И. И. К вопросу о переводе русских пословиц с компонентом «труд» на узбекский язык // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 534–537.
8. Низомиддинова Н. А. К. Изучение пословиц в русском и узбекском языках о труде // Interpretation and researches. 2025.

9. Имомов К., Мирзаев Т., Саримсоқов Б., Сафаров О. Ўзбек халқ оғзаки поэтик ижоди. Тошкент: Ўқитувчи, 1990.

10. Саримсоқов Б. Мақоллар // Ўзбек фольклори очерклари. Т. 1. Тошкент: Фан, 1988. С. 85–98.

11. Мирзаев Т., Мусақулов А., Саримсоқов Б. Ўзбек халқ мақоллари. Тошкент: Шарқ, 2003. 512 б.

12. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1978. 407 б.